

- ⁸¹ Мнение товарища министра народного просвещения от 2 октября 1827 г. по прошению некоторых студентов Санкт-Петербургского Университета о возвращении им прав, коих они лишены были в 1822 г. // Там же. С. 336 - 337.
- ⁸² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 467. Л. 422.
- ⁸³ См.: РГАЛИ. Ф. 1150. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Ф. 40. Оп. 1. Д. 5. 2 л.; ОР РГБ. Ф. 548. К. 1. Д. 6 - 10.
- ⁸⁴ См.: Минаков А.Ю. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских консерваторов XIX века // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Воронеж. 2001. Вып. 1. С. 58 - 91.
- ⁸⁵ В 1821-1822 гг. мать Д. П. Рунича В. А. Рунич просила через А. Н. Голыгина при посредничестве А. Л. Витберга «в уважение бедственного положения тайной советницы Рунич, обремененной многочисленным семейством» купить в ведомстве комиссии для строения в Москве храма во имя Христа Спасителя, принадлежавшего ей Георгиевского уезда Рязанской губернии из 250 душ за 220 тысяч рублей. 24 февраля 1825 г. в «бедственном положении» умер отец Рунича, оставив жену с двумя незамужними дочерьми, без имущества. Все родовые имения и 500 душ, все, что П. С. Рунич получил от Екатерины II и Павла I (в 1775 г. - 276 душ, в 1800 г. - 470 душ) ушли за долги, последние 90 родовых душ и деревянный дом в Москве были заложены. 4 сентября 1825 г. Рунич получил отказ императора на просьбу о продлении «пожалованного в аренду имения», тем не менее, матери Рунича, вдове сенатора П. С. Рунича, был пожалован пенсион. В 1837 г. жене Рунича была продолжена аренда на шесть лет по 2090 рублей серебром в год, в 1838 г. ей же «негласным образом» выдали по 2000 рублей ассигнациями. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 2 Д. 9756. Л. 1; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 424-425; Д. 416. Л. 807 об.; РГАЛИ. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ⁸⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 39. Секретное дело № 65. Д. 289. Л. 3, 6; Ф. 472. Оп. 33. Д. 37. Л. 13 об.
- ⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 656. Д. 9. Л. 4 об.
- ⁸⁸ Там же. Д. 3. 1 л.
- ⁸⁹ Там же. Д. 4. 3 лл.
- ⁹⁰ Мысли Д. П. Рунича при погребении гр. Сперанского // РС. 1893. № 11. С. 321.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 12. Д. 29810. Л. 1.
- ⁹² По сведениям 1901-1902 гг. рукопись сохранилась в фонде Императорской Публичной Библиотеки не в полном виде: из 14 тетрадей не хватало тетрадей № 6, 7 и 12. См.: Отчет Императорской Публичной Библиотеки за 1900-1901 гг. С. 193.
- ⁹³ ОР РНБ. Д. 6.
- ⁹⁴ Там же. Д. 8.
- ⁹⁵ Рунич Д. П. Россия от 1633 до 1854 г. С. 3.
- ⁹⁶ ОР РНБ. Д. 9.
- ⁹⁷ Там же. Д. 7.
- ⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 656. Д. 1.
- ⁹⁹ Там же. Д. 9. Л. 27 об., 19; Д. 7. Л. 17 об.
- ¹⁰⁰ Родионов Д. Н. Д. П. Рунич (материалы для его биографии). Воспоминание Д. Н. Родионова // РС. 1898. № 8. С. 389 - 391; ОР РНБ. Ф. 656. Д. 6. Л. 27.

Ячменихин К. М.
(Чернигов, Украина)

Военные поселения России в общественном мнении первой половины XIX в.

Современная палитра методологического спектра исторической науки позволяет достаточно кардинально пересматривать многие концептуальные решения, прочно удерживавшиеся в историографии на протяжении не одного десятилетия. Методологические поиски одного из направлений социологизирующей истории - «новой исторической науки» в лице школы «Анналов» - позволяет взглянуть на проблему глазами современников и дать ей оценку, во многом избавленную от модернистских построений. Одной из таких весьма своеобразных составляющих внутренней политики России первой половины XIX в. был институт военных поселений, затрагивавший многие аспекты государственной жизни и вызвавший неоднозначную реакцию со стороны как образованного общества, так и простого крестьянства.

Свое отношение к военным поселениям последнее достаточно четко продемонстрировало во время их введения, а также в 1831 г., в период так называемых холерных бунтов. Справедливости ради, необходимо отметить, что в дальнейшем военные поселяне, как правило, прибегали к так называемым «пассивным» методам борьбы и открытые выступления в округах поселений больше не отмечались. Н. К. Шильдер, собирая материалы о военных поселениях, зафиксировал высказывания некоторых бывших военных поселян о том, что они жалеют о минувших временах, когда царили порядок и дисциплина, а государство поддерживало хозяйство поселянина на должном уровне и помогало ему в случае неурожая, падежа скота и т.п.¹ Государство шло на такие меры не столько из-за альтруистических побуждений, сколько из-за чисто прагматических: крепкое поселянское хозяйство было основой экономической базы поселений, главная цель которых состояла в самообеспечении поселенных войск продовольствием и фуражом.

Крестьяне и казаки, в силу своего консервативного мышления, не могли согласиться на кардинальные изменения своего социального статуса и образа жизни. Они были слишком далеки от осознания «благотворительных» целей введения военных поселений и поэтому их реакция была такой радикальной. Со временем их отношение к новому стилю жизни изменилось, особенно в округах кавалерии, где ее уровень был значительно выше, чем у владельческих и государственных крестьян

этого региона². Необходимо также учитывать, что в «классическом» виде, т.е. когда в лице поселянина-хозяина сочетался и воин, и землепашец, поселения просуществовали только до восшествия на престол Николая I, который весьма радикально их реформировал³.

Общественное мнение относительно института военных поселений поддается исследованию преимущественно по источникам личного происхождения: мемуарам, запискам и письмам, поскольку в прессе было запрещено обсуждать какие-либо вопросы, связанные с их введением и функционированием. Оценка поселений зависела, прежде всего, от того, какой информацией обладал ее автор, знаком ли он был с системой их функционирования непосредственно или только по слухам, распространяемым в обществе, насколько он был близок к правящим кругам и т.п. Появление полярных отзывов о поселениях, распространение всевозможной, весьма фантастической, информации было вызвано, во-первых, тем, что решение об их создании принималось в очень узком кругу (Александр I, А. А. Аракчеев, А. П. Ермолов, И. О. Витт) и не обсуждалось ни в одном из правительственных учреждений, а, во-вторых, с закрытостью военных поселений на протяжении всего периода их существования. Посещение военных поселений с любой целью разрешалось только по «высочайшему соизволению»⁴.

В мае 1823 г. секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинов писал графу С. Р. Воронцову: «В нынешнее время военные поселения так отделены, что местная гражданская власть и полиция не имеют права даже появляться там для исполнения своих обязанностей... Особенно удивительно, что кроме графа Аракчеева никому не доверяют дела военных поселений, ни Комитету министров, ни Совету и все исполняется самим Государем и графом Аракчеевым»⁵.

Естественно, что именно закрытость системы являлась основой для формирования искаженной информации и появления всевозможных слухов и сплетен, пользуясь которыми некоторые современники и сформировали свои представления о военных поселениях. Анализ источников свидетельствует, что система военных поселений, которая просуществовала не одно десятилетие и которая претерпела ряд радикальных преобразований в начале царствования Николая I, воспринималась общественностью далеко не однозначно и ассоциировалась с различными факторами. Одна ее часть оценивала поселения как систему мер по назревшей реорганизации армии. Другие сосредотачивали свое внимание, прежде всего, на сопротивлении крестьян и казаков введению поселений, пытаясь установить причины такой острой реакции. Для формирования более или менее цельной и объективной концепции по данной проблеме необходимо проанализировать и сопоставить позиции различных представителей высшей военной и

гражданской бюрократии, выяснить причины такой дисперсности общественного мнения.

В период создания военных поселений некоторым представителям генералитета было предложено дать отзыв на «Проект учреждения о военном поселении пехоты» (1817). Наиболее известными в историографии являются замечания командующего 1-й Армии фельдмаршала М. Б. Барклая де Толли и начальника штаба этой армии генерал-лейтенанта И. И. Дибича⁶. Оба они доказывали ошибочность этой идеи, поскольку занятия сельским хозяйством и военной службой – вещи абсолютно несовместимые. При этом М. Б. Барклай де Толли не отрицал саму идею в принципе, утверждая, что такая система может существовать только в небольших государствах и полезна она «в приграничных наших пределах как противостояние азиатским народам, но не в виде регулярных войск, а в образе иррегулярных...»⁷.

Достаточно критическое отношение Барклай де Толли и ряда других представителей армейского командования к военным поселениям позволило некоторым исследователям говорить о негативном отношении российского генералитета к этому институту в целом⁸. Архивные материалы свидетельствуют, что ситуация была намного сложнее. Так, например, кроме М. Б. Барклая де Толли и И. И. Дибича замечания на «Проект» поселения войск подали командующий 5-м пехотным корпусом генерал от инфантерии П. А. Толстой, а также начальники 8-й и 10-й пехотных дивизий, которые входили в состав этого корпуса, генерал-майоры П. А. Тучков и Ф. А. Филисов и ряд командиров полков этих дивизий⁹. Все они об идее создания военных поселений отзывались весьма положительно, при этом весьма убедительно аргументируя свои выводы.

Мнение П. А. Толстого и его подчиненных совпало с мнением другого авторитетного военного – генерал-лейтенанта А. П. Ермолова. В апреле 1816 г. он получил указание А. А. Аракчеева осмотреть округ поселения Елецкого пехотного полка в Могилевской губернии. После инспекционной поездки он подал рапорт А. А. Аракчееву (от 30 апреля 1816 г.), в котором оценил идею военных поселений весьма положительно [10]. Эта записка была внимательнейшим образом изучена Александром I и Аракчеевым, о чем свидетельствуют многочисленные карандашные пометы на ней. Вполне вероятно, что эта записка оказала значительное влияние на принятие решения о массовом поселении войск, начатом в 1816 – 1817 гг. При этом следует заметить, что А. П. Ермолова не устраивали методы реализации массового поселения войск, о чем свидетельствует его переписка с генерал-адъютантом А. А. Закревским¹¹.

Если П. А. Толстой и А. П. Ермолов достаточно осторожно подходили к проблеме организации и функционирования военных поселений, указывая на необходимость постепенности их введения, то многие военные деятели допускали откровенно апологетические высказывания по

этому поводу. Так, например, генерал-адъютант маркиз Ф. О. Паулуччи, целиком одобряя идею военных поселений, в апреле 1817 г. высказался за их расширение на Бессарабию, Крым, Кавказскую и Оренбургскую линии, Астраханскую губ., Грузию и юг Сибири¹². Аналогичных взглядов придерживался и генерал-майор А. И. Веригин, который в 1822 г. подал на имя А. А. Аракчеева записку, в которой предложил создать военные поселения в Оренбургской губ., присоединив к ним племена мещеряков и ногайцев¹³.

В феврале 1817 г. генерал-интендантом Е. Ф. Канкриним был составлен проект нового поселения войск. Главной задачей поселений, по его мнению, было сокращение затрат по содержанию значительной армии в условиях постоянного дефицита государственного бюджета¹⁴. Начальник Херсонских военных поселений генерал-лейтенант И. О. Витт в записке, поданной в 1826 г. (после отставки А. А. Аракчеева), когда встал вопрос о дальнейшей судьбе поселений, полагал, что проект поселения, созданный и реализуемый А. А. Аракчевым, был очень дорогостоящим и требующим огромных человеческих усилий¹⁵. Таким образом, уже сам проект поселения войск и первые мероприятия по его реализации вызвали неоднозначные оценки общественности.

К началу царствования Николая I относится и записка командира Отдельного гвардейского корпуса И. В. Васильчикова, которую он составил, находясь под впечатлением от поездки в составе императорской свиты в округа военных поселений летом 1826 г. Если И. О. Витт указывает на ошибки, допущенные в ходе составления проектов и на расхождения собственных и аракчеевских методов их реализации, то И. В. Васильчиков настаивает на несостоятельности поселенной системы вообще. Главное же, по его мнению, заключается в том, что «в политическом отношении военные поселения являются мероприятием небезопасным»¹⁶.

Следует обратить внимание на то, что с началом введения военных поселений отрывочные сведения о происходивших в них событиях оказывали влияние на формирование в общественном мнении негативного их восприятия. Общественность долго пребывала под впечатлением событий в Новгородской губ., Чугуеве и Бугских станицах, когда крестьяне и казаки отчаянным сопротивлением встретили введение военных поселений и изменение их социально-правового положения. Слухи, распространявшиеся в обществе, порожденные, прежде всего, отсутствием достоверной информации, вызывали неоднозначные оценки и в среде высшей гражданской бюрократии. Так, например, Н. М. Лонгинов, попытавшийся спрогнозировать их будущее, писал, что в дальнейшем поселенные войска превратятся в источник недовольства и бунтов, что может привести Россию к революции. Соглашаясь с мыслью графа С. Р. Воронцова, который в письме к нему назвал поселен новыми

«граждальцами», Лонгинов предсказывал стране ужасные последствия введения этого института¹⁷. В мае 1823 г. он писал графу С. Р. Воронцову: «О Херсонских поселениях графа Витта рассказывают чудеса: солдатские дети там так образованы, что могут отлично читать, писать, разговаривать на французском и немецком языках»¹⁸. Выдавая подобные слухи за реальность, Н. М. Лонгинов полагал, что поселяне через некоторое время смогут составить определенное сословие, которое будет представлять угрозу для дворянства и даже претендовать на его место в обществе. В то же время он отмечал неординарное обустройство и порядок, существовавшие в поселениях и оказывавшие на очевидцев сильное впечатление.

Ознакомившись с проектом поселения войск, В. П. Кочубей в письмах к А. А. Аракчеву указывал, что приемлемой является система приграничных военных поселений на манер граничарских, уже несколько веков существовавших на австро-турецкой границе¹⁹. М. П. Румянцев более осторожно подходил к обсуждаемой проблеме, полагая, что поселения будут иметь позитивные последствия, но далеко не сразу, для этого понадобится определенное время. Сама же идея новой формы содержания и комплектования армии им целиком приветствовалась.

В апреле 1822 г. генерал-адъютант А. И. Чернышов, В. П. Кочубей, М. М. Сперанский посетили Новгородские военные поселения и, ознакомившись с их устройством, были в восторге от тех порядков, которые они там наблюдали²⁰. Более сдержанным в суждениях был Н. М. Карамзин, которому А. А. Аракчев лично показал Новгородские поселения в июле 1825 г. В письме к И. И. Дмитриеву историк писал: «Поселения замечательны во многих отношениях. Там, где за 8 лет до этого были непролазные болота, видишь сады и города. Однако российский путешественник уже стар и ленив для описания»²¹. Последняя фраза дала повод некоторым исследователям увидеть в мыслях автора интуитивное осуждение военных поселений²². Таким образом, можно утверждать, что Н. М. Карамзин, как и В. П. Кочубей и М. М. Сперанский, понимал важность введения нового способа комплектования и содержания войск. Эта важность подчеркивается еще и тем, что практически ни один из видных государственных деятелей не обошел вниманием институт военных поселений. И, как свидетельствуют источники, суждения эти были преимущественно позитивными. Думается, что продиктованы они были не стремлением польстить императору и А. А. Аракчеву, как полагал М. И. Богданович²³, а увиденным в округах.

Однако, если эти государственные и общественные деятели были знакомы и с проектами создания поселений и с их реализацией, то для большинства подданных они оставались закрытыми, почему в обществе, и особенно в среде поместного дворянства, о поселениях распространялись самые невероятные слухи.

Своеобразной реакцией на подобного рода слухи о поселениях стали написанные в 1822 г. героем Отечественной войны 1812 г. Д. В. Давыдовым «Письма о военных поселениях». В этом своеобразном по форме литературном произведении он выступает ярким сторонником системы военных поселений и пытается реабилитировать их в глазах общественности. В письме А. Ф. Воейкову – редактору «Русского инвалида» – Д. В. Давыдов в концентрированной форме изложил свой взгляд на проблему: «Резкие, неприятные слухи, которые распространяются всюду о военных поселениях, вынудили меня выяснить, насколько от меня зависело, существующую цель и правила, по которым они устраиваются, также и пользу, которую они смогут обеспечить. Я пытался также по возможности развеять неосновательность многих суждений про это учреждение»²⁴.

Однако, несмотря на позитивную оценку поселений, данную Давыдовым, и несмотря на то, что его взгляды фактически совпали с официальной точкой зрения, его произведение так и не было опубликовано. Причиной этого, по-видимому, стало явное нежелание Александра I и А. А. Аракчеева знакомить широкие круги общественности с принципами организации и функционирования системы военных поселений.

В этой связи совершенно закономерным было появление в середине 1825 г. брошюры М. М. Сперанского «О военных поселениях». Несомненно, что работа была написана по поручению императора и, как справедливо полагает А. В. Предтеченский, носила сугубо пропагандистский характер²⁵. М. М. Сперанский высоко оценил идею военных поселений. Он неоднократно посещал их, принимал участие в разработке и кодификации законодательных документов, касающихся этого государственного института, и, таким образом, мог видеть не только внешнею, показную сторону поселений, которой увлекались многие современники, но и сумел грамотно проанализировать все их составляющие. При этом, как справедливо отмечает А. В. Предтеченский, он рисовал как бы идеальное военное поселение, запечатленное в законодательных актах²⁶.

В июле 1825 г. Ф. В. Булгарин написал рецензию на работу М. М. Сперанского, которая должна была быть опубликована в журнале «Северная пчела»²⁷. Он, как и М. М. Сперанский, полагал, что военные поселения в итоге обеспечат благосостояние поселян, сократят расходы на содержание армии, укрепят границы империи и исправят «моральность многих тысяч семейств». Однако, несмотря на такой лестный отзыв, публикация рецензии, как свидетельствует письмо А. А. Аракчеева А. С. Шишкову от 26 июля 1825 г., разрешена не была, поскольку император запретил «раз и навсегда» размещать любую информацию о военных поселениях в периодической печати, кроме исходящей от

А. А. Аракчеева [28]. Причины отказа в публикации рецензии были теми же, которые помешали публикации «Писем о военном поселении» Д. В. Давыдова – нежелание знакомить общественность с проблемами, связанными с управлением и функционированием военных поселений. Косвенным подтверждением этого можно считать и указ, изданный в 1825 г. о запрещении обсуждать текущие политические вопросы в печати. Но, естественно, породило еще одну волну всевозможных слухов.

Вот почему определенные сведения об отношении современников к военным поселениям мы можем обнаружить только в источниках личного происхождения, к информации которых необходимо относиться крайне осторожно из-за их крайней субъективности. Оценки военных поселений были подчас диаметрально противоположными. Так, например, Д. П. Рунич полагал, что план введения поселений «был полезным нововведением для цивилизации нации, от которой были еще далеки народ и нижние классы»²⁹. Н. И. Греч, наоборот, называл поселения «чуждой и несчастной мыслью Александра I, реализация которой была возложена на Аракчеева»³⁰. Поселения, по словам Греча, «разожгли всеобщее недовольство. Но железная рука Аракчеева, Клейнмихеля сдерживала... поселян в страхе и покорности».

По данным агентов III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, в период реформирования военных поселений (конец 1820-х – начало 1830-х гг.) в обществе циркулировали различные слухи об их радикальной реорганизации, в частности, слух о том, что графу И. О. Витту поручено разработать план такого рода реформы³¹. Общественное мнение на эти события отреагировало мгновенно. Появляется ряд записок, которые содержат большое количество критических замечаний относительно военных поселений, а также ряд предложений по их усовершенствованию. Они принадлежали в основном офицерам, которые служили в поселениях или находились в них в командировке. В этих записках, как правило, отмечалось тяжелое положение поселян и указывались его причины – строевые смотры, которые отрывают поселян-хозяев от сельскохозяйственных работ, многочисленные обязанности поселян по выполнению общественных работ, форсированные методы введения поселений и т.д.

Указания на тяжелое положение поселенцев и восприятие поселений как исключительно негативного продукта властей можно найти в целом ряде воспоминаний офицеров поселенных войск – Г. Н. Александрова, М. А. Крымова, А. К. Гриббе, И. П. Рудыковского, Е. Ф. фон Брадк³² и др. Однако необходимо учитывать, что далеко не все офицеры имели возможность наблюдать поселения как целостную структуру. В основном они фокусировали внимание на тех фактах, которые могли видеть в каком-нибудь одном месте (на уровне роты, эскадрона, батальона), делая акцент именно на негативных моментах, резко бросавшихся в глаза. Объективно,

они не могли знать всех подробностей и деталей функционирования поселенной системы в целом, и исходили, прежде всего, из мыслей о страданиях поселян и солдат. Подняться до уровня значительных обобщений большая часть офицеров (за исключением части генералитета) не могла, фиксируя только отдельные, главным образом негативные подробности быта поселенцев.

Таким образом, система военных поселений, начиная с момента ее создания, стала объектом пристального внимания со стороны различных кругов российского общества. Разница в оценках зависела от степени информированности той или иной личности. Анализ имеющихся источников позволяет утверждать, что в сознании одних современников поселения ассоциировались с особым военным режимом, у других – с более рациональной формой содержания и комплектования армии, что в идеале должно было улучшить финансово-экономическое положение страны и позволило бы содержать и в мирное время значительные вооруженные силы, не изменяя принципов их комплектования. Многие из тех, кто писал на тему поселений, считали что они целесообразны только как пограничная система, позволяющая надежно прикрывать рубежи империи. Значительное количество авторов осудили режим военных поселений. Не следует забывать, что закрытость поселенной системы, отсутствие достоверной информации о ней, а вследствие этого – появление различных слухов, оказывали значительное влияние на формирование общественного мнения.

Введение в научный оборот нового комплекса источников позволяет в значительной степени скорректировать все еще удерживающиеся в историографии стереотипы восприятия военных поселений их современниками только как явления негативного и, таким образом, показать всю неоднозначность оценок этого весьма своеобразного института самодержавия первой половины XIX в. российской общественностью.

¹ ОР РНБ. Ф. 859 (ф. Н. К. Шильдера). Карт. 20. Д. 1.

² Ячменихин К. М. Экономический потенциал военных поселений // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 46.

³ Ячменихин К. М. Основные периоды истории военных поселений в России // П. А. Зайончковский. 1904 – 1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 430 – 441.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив, далее – РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 247. Л. 366.

⁵ Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову (1816 – 1831 года) // Русский архив, далее – РА. 1912. № 7. С. 405.

⁶ Дибич И. И. Военные поселения в России // Военный сборник. 1861. № 6. С. 331 – 372.

⁷ Там же. С. 348.

⁸ Грошквин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты первой половины XIX в.). М., 1981. С. 84 – 85.

⁹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 413.

¹⁰ Там же. Д. 4. Л. 16.

¹¹ Сборник русского императорского общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 284.

¹² РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 72 – 76.

¹³ Там же. Д. 140. Л. 876 – 881.

¹⁴ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13228. Л. 117 – 117 об.

¹⁶ Граф Аракчеев и военные поселения. 1809 – 1831. СПб., 1871. С. 197.

¹⁷ Из писем Н. М. Лонгинова к графу С. Р. Воронцову ... С. 404.

¹⁸ Там же. С. 405.

¹⁹ Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. 1807 – 1829 год / под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1883. С. 196.

²⁰ Там же. С. 353, 355.

²¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 400.

²² Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 346.

²³ Богданович М. И. История царствования Александра I и России в его время. Т. 6. СПб., 1871. С. 98.

²⁴ Орлов В. Л. Судьба литературного наследия Д. В. Давыдова // Литературное наследие. 1935. № 19 – 21. С. 236.

²⁵ Предтеченский А. В. Брошюра М. М. Сперанского «О военных поселениях» // Предтеченский А. В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 181.

²⁶ Булгарин Ф. В. Поездка в Грузию в 1824 г. Из воспоминаний // Новоселье. СПб., 1846. Ч. III. С. 183.

²⁷ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 330. Л. 673.

²⁸ Там же. Л. 677.

²⁹ Рунич Д. П. Записки Рунича // Русское обозрение. 1890. № 9. С. 237.

³⁰ Греч Н. И. Записки о моей жизни. Воспоминания. М., 2002. С. 250.

³¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3172. Л. 110 – 111 об.

³² Александров Г. Н. Очерки моей жизни // РА. 1904. № 12. С. 471 – 517; Крымов М. А. Отрывки из воспоминаний офицера Новгородского поселения // Военный сборник. 1862. № 24. С. 437 – 444; Гриббе А. К. Граф Аракчеев. Из воспоминаний о Новгородских военных поселениях 1822 – 1826 // Русская старина. 1875. № 12. С. 84 – 123; Брадке Е. Ф. Автобиографическая записка // РА. 1875. № 1. С. 15 – 53.

Дегтярева М. И.
(Москва)

Жозеф де Местр и С. С. Уваров

Среди историков, изучавших влияние франко-итальянского консервативного мыслителя Жозефа де Местра в России, утвердилось представление о том, что де Местр в XIX в. пережил два взлета популярности. В первый раз – еще во время пребывания в России, когда